

Тареев М. М. [Рец. на:] Розанов В. [В.] Около церковных стен. В двух томах. Том. 1. СПб., 1906 // Богословский вестник 1905. Т. 3. № 11. С. 543–547 (2-я пагин.).

В. Розанова. *Около церковных стен*. В двух томах. Томъ первый. СПб. 1906.

Я смѣло могу рекомендовать читателямъ Б. В. новую книгу В. В. Розанова. Авторъ хочетъ, чтобы лучи христіанскіе, которые теперь какъ будто закрыты церковными стѣнами, вышли изъ этого огражденія и освѣтили то, что находится *около церковныхъ стѣнъ*, чтобы стѣны эти раздвинулись, служба христіанскаго храма стала открытою, чтобы херувимская понеслась по лугамъ и лѣсамъ. „Около церковныхъ стѣнъ“—это сборникъ разнообразныхъ статей, напечатанныхъ прежде въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Онъ начинается статьею *Религія—какъ святъ и радость*, и не случайно. Въ первомъ томѣ и собраны статьи, затрогивающія область бѣлыхъ религіозныхъ лучей,—лучи же темные оставлены для второго тома, для „монашеской книги.“

Я потому рекомендую читателямъ Б. В. новую книгу В. В. Розанова, что ея содержаніе и тонъ, хотя и вѣрны общему направленію послѣднихъ писаній его, но ограничиваются сферами общедоступными, берутся въ масштабъ популярномъ, безъ той остроты и специфичности, съ которыхъ начинается слишкомъ индивидуальное. Хотя въ книгѣ много критическаго, но она не столько разрушаетъ, сколько созидаетъ. Радостная и созидательная. „Намъ нужна свобода для Бога. А безъ Бога уже ни свободы не нужно, ни рабство не страшно. Тогда все равно... А не нужно, чтобы было „все равно“. Нуженъ не конецъ (христіанской) религіи, не щепень церкви, а религія—свѣтлая, небесная, Церковь до небесъ поднимающаяся“. Тонъ умѣренно-созидательный, а не радикально-разрушительный, проникаетъ всю книгу отъ начала

до конца. Вотъ какъ, напр. авторъ отвѣчаетъ рационалисту, сектанту по вопросу о церковной обрядности.

„Да какъ же, друже, не вилять (не колебаться)? Конечно-жалко васъ: но и Россія мнѣ не посторонняя женщина, а хоть и во многомъ горькая, но въ общемъ родившая меня мать. Тутъ ужъ непремѣнно будешь двоиться въ мнѣніяхъ. Скажу кратко и можетъ-быть кое-что поучительное. Люди, спасающіе себя „некурениемъ табаку“ и благочестивыми бесѣдами о тихомъ и миломъ образѣ жизни, — не только религіозно, но даже и литературно для меня неинтересны! Просто я считаю ихъ нѣмецкими пѣтистами... Они читаютъ евангеліе, а въ церковь не ходятъ, и боятся, пренебрегаютъ ходить: это, видите-ли, для нихъ слишкомъ грубо и необразованно. Но вотъ, завзятый анти-византиецъ, я скажу объективно, холодно и даже равнодушно: что въ церкви есть такія нѣкоторыя глубины и высоты и красота и проникновенія, какихъ въ евангеліи вовсе нѣтъ — нѣтъ ни въ полнотѣ, ни даже въ начаткѣ. Это васъ удивить? Да, въ дивныхъ трудахъ тысячелѣтняго размышленія и созиданія Церковь кое въ чемъ поднялась надъ евангеліемъ: и это-то и есть линія вѣчнаго непониманія протестантовъ, и вмѣстѣ восторженной и чуткой вѣры множества русскихъ, что „православіе — это конецъ, дальше котораго некуда идти“. Замѣтите: православіе, а не Евангеліе... Почему весь народъ при пѣніи Херувимской падаетъ ницъ, безъ приказанія, безъ примѣра священника или діакона, по умиленію своему, а при пѣніи молитвы Господней, единственной содержащейся въ Евангеліи, хотя діаконъ и подаетъ примѣръ къ коленно-преклоненію, но за нимъ лишь весьма немногіе слѣдуютъ? Херувимская—дивно мистична, непонятна: а вѣдь душа религіи—въ тайнѣ, въ сокровеніи, „въ облакѣ“. И вотъ въ Херувимской и выражена небесная тайна религіозной души, смотрящей въ небо и что-то особенное тамъ видящей. Напротивъ, въ молитвѣ Господней все понятно, рационально; она устраиваетъ землю, перечисляя ея нужды, но престола Господня, какъ херувимской, въ ней не видно. Это-то и почувствовали народъ и палъ на земь; а при второй молитвѣ, земной, рациональной, остался на ногахъ. Что на это скажутъ господа „не курящіе табаку“? Не ходя въ церковь, они лишили себя Херувимской пѣсни, которой рѣшительно невозможно замѣнить чтеніемъ ни од-

ной страницы Евангелія, по отсутствію равенства и сходства настроенія, потому что Херувимское—*новое, другое*, сотворенное *вторые*. И поразительно, сотворенное даже не святымъ угодникомъ, а какимъ-то греческимъ императоромъ. Такъ, дохнулъ въ него Св. Духъ—и вѣка и народы умилились.—Что въ Евангеліи сказано о смерти и погребеніи? Единственное: „оставь мертвымъ погребать мертвыхъ“. Больше ничего. Кто же, какъ не Церковь придумала, и притомъ вновь придумала, по своему почину, а не на почвѣ Евангелія, двучное надъ покойникомъ чтеніе Псалтири, омовеніе его тѣла, какъ бы умашеніе и приготовленіе его къ переходу во что-то чистое;—и наконецъ—дивныя по глубинѣ и звукамъ надгробныя пѣснопѣнія, которыхъ ни одинъ человекъ не можетъ равнодушно слышать. Развилось-ли это изъ словъ: „оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ“? Конечно — *нѣтъ*, конечно при молчаливомъ *обходѣ* этихъ словъ. Хорошо ли это? и умѣстенъ ли этотъ новый и смѣлый ростокъ, новый и самостоятельный порывъ души учителей церковныхъ, Іоанна Дамаскина и другихъ?! Конечно—*благодѣтельнъ*, великъ, святъ. Уловивъ острую и шемающую боль живыхъ около умершаго, они обвѣяли ихъ чудесными словами, до заключительнаго: „прииди и даждь послѣднее цѣлованіе“! Вотъ чего никогда не пойметъ безвкусная штунда, люди безъ вкуса и остроумія, безъ размышленія. Или возьмемъ трудъ, работу. „Раздай имѣніе нищимъ и возьми крестъ свой и иди“, „взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, не жнутъ“. Но бѣдному человеку въ земной юдоли приходится и жать и сѣять. Что-же, отвернулась ли и отъ этого Церковь? Не знаю, есть ли молитва на посѣвъ зерна; жалѣю, если *нѣтъ*; но на случай засухи—есть... Худо-ли это? Конечно—отлично! „Не на сей горѣ и не въ Іерусалимскомъ храмѣ будутъ поклоняться, но на всякомъ мѣстѣ въ духѣ и въ истинѣ“. Но неужели же мы осудимъ церковь за то, что она усѣяла землю и страны и жизнь народную храмами? и даже не возрадуемся-ли, что содѣяла ихъ златоглавыми, съ золотящимися алтарями, съ кадилынымъ дымомъ, святой водой, съ муромъ и пахучимъ ладаномъ? Боже, до чего бѣдна была бы жизнь безъ нихъ, до чего дика! Плоска, какъ дорога не обсаженная деревьями, и скучна какъ кратко-сложенная басня о бѣломъ бычкѣ, изъ строки въ строку твердящая одно и то-же!

Церковь-то, храмы-то, и херувимская, и ладанъ, и праздники „Господскіе“ и „Богородичныя“, и день Св. Духа, и Троица, и Введеніе во храмъ—о послѣднемъ даже строки нѣтъ въ Евангеліи—съ ихъ отличающимися и несходными чертами, и сложило все-таки въ нѣкоторый, хотя еще слабый и блѣдный, узоръ нищенское бытіе нашего народа! И не за однимъ „спасеніемъ души“, какового можно достигнуть и дома, но и за красотой и благолѣпіемъ идетъ за тысячи верстъ какой нибудь мужикъ съ котомкой въ Печерскую лавру, въ Троицкую лавру, непременно богатую, блистающую, многоглавую, даже если возможно роскошную и утопающую въ архитектурной и пѣвческой и богослужебной красотѣ! И до чего этотъ мужикъ былъ бы убитъ, если бы ему, нищему, послѣ тысячеверстной усталости, напомнивъ слова о поклоненіи „въ духъ и истинѣ“, показали кучку не курящихъ табаку господъ, читающихъ въ укромной комнаткѣ Евангеліе, съ предложеніемъ: „Вотъ, садись и послушай мудрецовъ“. Даривъ же не читаемъ мы въ томъ же Евангеліи, въ „Откровеніи“ Іоанна Богослова, о Небесномъ сходящемъ на землѣ Іерусалимѣ, т. е. о послѣднемъ вѣнцѣ религіозной на землѣ жизни, что онъ сходитъ въ блистаніи драгоцѣнныхъ камней, даже съ перечисленіемъ породъ: „и смарагдъ“, „и изумрудъ“, „и яхонтъ“, „ясписъ“, „лазурь“, и со стѣнами изъ чистаго золота? Роскошь... Мы растащили ее на ничтожныя земныя дѣла, для грубаго личнаго эгоизма; между тѣмъ какъ конечно *народное* употребленіе богатствъ есть всегда церковное, *храмовое* и *праздничное*! И не жаловаться бы на это, но еще и еще, какъ Возлюбленную Невѣсту, убирать бы религію благовопіями, и красками, и цвѣтами, и деревьями (садами) вокругъ церквей, и камнями, и металлами, и художествомъ живописнымъ, и архитектурнымъ, и пѣвческимъ. Вотъ что и значило бы потрудиться для народа: открыть очамъ его, послѣ того, какъ открыто слуху, другую мистическую „Херувимскую пѣснь“, теряющуюся куполами и спицами въ тверди небесной... Евангеліе безгрѣшно. Но всего круга бытія нашего оно явно не обнимаетъ; а Церковь и есть движеніе къ восполненію, къ дополненію, къ окончанію, по слову Спасителя: „Я есмь лоза и вы вѣтви“, т. е. *растите, живите, умножайтесь* въ словѣ и разумѣ. Что сказано въ Евангеліи о рожденіи? Только одна строка: „Женщина, когда

рождаетъ, то терпѣть скорбь, а когда родила, то забываетъ скорбь свою, ибо новый человѣкъ пришелъ въ міръ“. Здѣсь нѣтъ никакого приготовленія для чуднаго обряда таинства крещенія, съ возженными свѣчами, съ кажденіемъ ладаномъ, новой крестильной рубашечкой младенцу и золотымъ крестомъ и розовымъ поясомъ. Какъ все хорошо! „Растите и ростите“, сказалъ Христосъ: и уже дѣло нашего сердца и мышленія и вдохновенія религіознаго — *какъ, куда, доколь* „расти“. Бѣдные протестанты, кальвинисты, анабаптисты, духоборы, толстовцы этого-то и не понимаютъ, вообразивъ въ 4-хъ Евангеліяхъ полный кругъ въ 360 градусовъ, когда это явно есть только начатая дуга: и Церковь прекрасно и вѣрно повела далѣе эту дугу, прибавляя въ вѣкахъ градусъ къ градусу. Слишкомъ проста была бы задача исторіи: не курить и читать Евангеліе. Такого созиданія, а отнюдь не духоборческаго умаленія, нужно желать и ожидать въ будущемъ“....

Я привелъ эту длинную выдержку, потому что этимъ путемъ скорѣе можно дать понятіе о тонѣ книги, о ея направленіи,—напротивъ статьи разсматриваемаго сборника какъ-то не поддаются изложенію. Въ нихъ важнѣе не *что*, а *какъ*: въ послѣднемъ именно и талантливость автора, и душевность его пера.

Нужно однако сказать, что статьи очень разнообразны по содержанію: касаются онѣ и миссіонерства, и школы, и католичества, и старообрядчества, и старокатоличества, и преподаванія закона Божія въ школахъ, и свободы совѣсти, и многихъ книгъ, и писателей, и общественныхъ дѣятелей.

М. Таръевъ.
